

Вырезка из газеты

20 МАР 1964

БАКУ

(вечерний выпуск)

г. Баку

— Хотите сказку, — глаза смотрели внимательно и серьезно. Я улыбнулся.

— Ну, не сказку. Скорее, легенду. О той, которая полюбила Солнце. — Я опять улыбнулся.

— Не смейтесь, это не чудачество. Хотя над ней все смеялись. Представляете, говорили люди, она полюбила Солнце. А она вставала раньше, чем проснется Солнце, встречала его и уже целый день не расставалась с ним. Только вечером ей становилось грустно, когда Солнце уплывало далеко-далеко, за синие горы. И однажды она не выдержала, и едва наступили сумерки — за ним. Пошла через горы, прошла пахнущую цветами долину и осталась с Солнцем. Звонко пели ручьи, смеялись деревья, улыбались облака, и ей было хорошо. И время остановилось для нее...

А однажды Солнце, возвращаясь с работы, принесло ей необычный подарок — образ родной ее деревни, родного дома. И та, которая полюбила Солнце, бросилась из долины. Она пришла в родную деревню, шла знакомой дорогой, но никто не узнавал ее. И она не узнавала ни людей, ни родного дома. Все было чужим и далеким. Ведь прошло сто лет. И поняла та, которая полюбила Солнце, что жизнь-то она уже прожила. Незаметно. Бесследно. И поняла та, которая полюбила Солнце: нельзя проходить по жизни незаметно, не оставляя следов...

За окнами прошумели машины. Мы расстались с легендой. А я думал, зачем она ее рассказала. В жизни актрисы статистика — плохой и вредный помощник. И все-таки двести ролей. Это двести жизней на сцене. И каждая из них нельзя прожить бесследно — нельзя бесследно любить и страдать, нельзя бесследно радоваться и грустить. И каждая из них игралась 10, 20, 100 раз, наконец. Сто жизней лермонтовской Нины, сто жизней арбузовской Вальки, сто жизней Элизы Шоу.

И каждый раз по-новому. Ведь нет одинаковых жизней. И хоть и сегодня, и завтра, и послезавтра Валька в «Иркутской истории» делает одно и то же, но сценическая жизнь ее в каждом спектакле — новые, только что познанные черты ее большого характера. Это другая улыбка, другие слезы.

Непосвященным мир по ту сторону занавеса кажется священным, пожалуй, таинственным. И надпись — «Посторонним вход за кулисы воспрещен» укрепляет эту веру в таинство. И только тогда, когда открыт занавес, когда ты остаешься с глазу на глаз с актрисой, когда ты думаешь с ней, не радуешься за нее, а радуешься с ней, не горюешь за нее, а горюешь вместе с ней, — рушатся стены таинства, и ты протягиваешь руку Вальке, как старой доброй знакомой говоришь ей: «Здравствуй!».

Самый длинный монолог

Представьте себе отличного токаря, каждый день он хорошо делает свое сложное дело. И все-таки каждый день он на своем заводе, в своем цехе, в своей бригаде. Это я не к тому, что сегодня я Нина, а завтра Лида Матисова в «Такой любви», сегодня мне двадцать лет, а завтра пятьдесят. Сегодня я друг, а завтра враг. Хоть и отлично работает токарь, а сегодня его деталь может быть хуже. Брак есть брак, и он поправим. Но кем бы ни был актер, ни сегодня, ни вчера, и не завтра эта ошибка невозможна. Актерский брак — это неверие зрителей, а зритель не прощает лжи.

Я очень часто думаю вот о чем. Мы говорим: писатель должен знать жизнь, отлично знать, прежде чем что-то написать. И вот писатель и художник решают писать о Братской ГЭС. Они отправляются туда, живут со строителями, работа-

ют с ними. Мне рассказывали, что когда режиссер Гасан Сеидбеги снимал свой фильм о Нефтяных камнях, он послал актеров, исполняющих главные роли поработать на этом острове.

Здесь я по-актерски завидую кинематографистам, писателям, художникам. Они видят, узнают своих героев, потом их пишут. А нам, актерам, этого писательского материала недостаточно. Думаете, хватает того, что увидели внимательные писательские глаза? А глаза актеров? Знаете, как мне хотелось увидеть Вальку? Узнать близко-близко, подружиться с ней. Я придумывала подаренную мне талантливым драматургом героиню, соглашалась с ней и не соглашалась, оправдывала и не оправдывала, спорила и уж потом становилась ею самой. И узнала, полюбила ее настолько, что мне иногда

пусть удачной или менее удачной. В ней живет, мыслит человек нашего времени. И создавать его гораздо труднее и приятнее. Может, и неудачным будет сравнение, но постарайтесь понять суть: несколько героев классики я охотно променяю на один яркий, настоящий образ нашего современника.

Годы — штука в искусстве неинтересная. Актрисы, тем более, актрисы, говорят об этом с неохотой. И все-таки ничего не поделаешь — почти 25 лет прошло с тех пор, как я пришла в театр. Мы были выпускниками театральной студии, жили, дышали театром, каждый спектакль — праздник. Тогда-то я и вела дневник. Каждой новой роли там отведено доброе число страниц. Недавно я перечитала этот дневник и, знаете, нашла любопытные строчки: «Если бы меня спросили, что я хочу сы-

нением. Подобное волнение — что ощущение встречи. Встречи с умным, живым человеком, нашего Сегодня. И этой встречи ждем не только мы, актеры, но и зрители. Значит — слово за драматургами.

И снова о таинствах актерского искусства. В одном из своих многочисленных интервью Симона Синьоре была озадачена вопросом: как вы работаете над ролью. Она так и оставила вопрос неотвеченным. Ответ действительно представляется трудным. Право, как можно рассказать о том, что чувствуешь, когда знакомишься с будущей героиней, когда начинаешь в своей личной жизни вести себя так, как она, когда ищешь ее черты в знакомых и незнакомых тебе людях.

А потом приходит день премьеры. В театре — это всегда праздник. И как всегда поднимается занавес — твоя героиня держит первый экзамен на жизнь, жизнь на сцене. И твоя актерская заслуга, если жизнь эта будет долгой, и зритель примет твою героиню в число своих друзей.

Да, это моя актерская мечта — чтобы друзьями зрителей стали мои сценические герои, мои будущие герои — нефтяники или хлопкоробки, врачи или педагоги, космонавты или инженеры, мои современники, чудесные люди моей страны...

...Это был, пожалуй, самый длинный монолог заслуженной артистки республики Рахиль Гинзбург. Я не писал творческой биографии отлично знакомой бакинцам актрисы. Не писал ее творческого портрета. Разве этот самый длинный монолог, это горячее желание каждый день жить героическими мыслями и делами нашего современника — не творческий портрет актрисы?

Леонид ГЕРЧИКОВ.